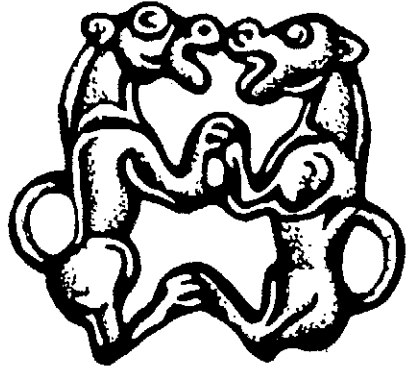


## СИСТЕМА ГАДАНИЯ «И ЦЗИН» И ЕЕ ВОЗМОЖНЫЕ ПАРАЛЛЕЛИ В СТЕПНЫХ КУЛЬТУРАХ



А. Г. АКУЛОВ

*В настоящее время стали известны многие исторические сведения и археологические факты, относящиеся к различным древним гадательным системам. В статье дается сопоставление материалов китайской системы гадания «И Цзин» и археологических артефактов культур эпохи бронзы Украины.*

«Чжоу И» — «Книга перемен» — одна из основ китайской культуры на протяжении тысячелетий. Однако, до сих пор не прояснен вопрос о происхождении самой системы гадания, толкованию результатов которого посвящена «Чжоу И», как и ее наиболее древняя каноническая часть — «И Цзин». Статья представляет собой попытку внести лепту в решение этого вопроса путем сопоставления системы гадания «И Цзин» и некоторых археологических фактов.

Необходимо напомнить некоторые фундаментальные принципы этой системы\*.

Основу ее составляют 64 гексаграммы — графические символы из шести расположенных друг над другом черт двух видов, целой и прерванной, во всевозможных сочетаниях. Эти черты — знаки универсальных космических сил: женской темной пассивной «инь» (— —) и мужской светлой активной «ян» (— — —). Центральную роль в системе «И Цзин» играют восемь триграмм — сочетаний из трех черт, символизирующих основные универсальные элементы (рис. 1).

Соединяя по две эти триграммы, мы получаем набор из 64-х гексаграмм (рис. 2).

1°	2°	3°	4°	5°	6°	7°	8°
цинь	кунь	чжень	кань	гень	сюнь	ли	дун
таорчест-	исполне-	возбуж-	погруже-	пребыва-	уточне-	сцепле-	разреше-
во	ние	дение	ние	ние	ние	ние	ние
небо	земля	гром	вода	гора	ветер	огонь	водоём
					(дерево)		

Рис. 1. Восемь триграмм — универсальных элементов мироздания (по А. И. Кобзеву).

\* Максимально полный обзор информации по вопросу см.: Шуцкий Ю. К. Китайская классическая «Книга перемен» // под. ред. А. И. Кобзева. — М., 1993.

"1"+"1"	"1"+"2"	"3"+"7"	"2"+"8"	"7"+"6"	"4"+"7"
№1	№12	№ 21	№45	№63	№64
цзянь	гай	ши хо	цуй	цзи цзи	вей цзи
творчес- тво	расцвет	тисну- тые зубы	воссоеди- нение	уже конец	ещё не конец

Рис. 2. Некоторые примеры начертания и значения гексаграмм (по А. И. Кобзеву).

В отличие от триграмм, гексаграммы представляют уже набор более частных ситуаций, истолковываемых гадателями применительно к конкретному случаю.

Сама же практика гадания обладает некоторыми весьма примечательными особенностями. Она достаточно безразлична к конкретному способу гадания. Можно гадать на стеблях тысячелистника, на монетах, по календарным датам и т. д. Однако, в традиции наиболее древним и священным считается способ гадания на стеблях тысячелистника. Путем довольно сложных манипуляций, с последовательным разделением, пересчетом и перекладыванием отдельных частей пучка из 50 стеблей, получают определенное количество стеблей в одной из частей. Это количество при делении на 4 дает числа 6, 7, 8, 9, символизирующие следующие черты: 6 — «старшая инь»; 7 — «младший ян»; 8 — «младшая инь»; 9 — «старший ян».

Графически символы «младших» и «старших» черт немного различаются в разных источниках (рис. 3).

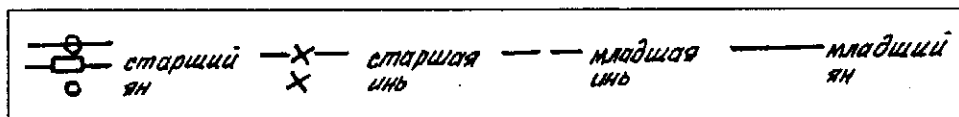


Рис. 3. Символы четырех основных черт в практике гадания (для «старших» черт даны различные графические варианты символов).

При этом «возраст» отдельных черт вовсе не связан с какими-либо символическими акцентами. Он определяется для построения дополнительной гексаграммы, показывающей дальнейшее развитие ситуации, описанной основной гексаграммой (рис. 4).

При других способах гадания (например, на монетах) парадигма его остается прежней — последовательное получение шести позиций четырех символов комбинаторным путем<sup>1</sup>.

Такая система гадания представляет из себя весьма редкое, хотя, как будет показано дальше, и не уникальное явление. Подавляющее большинство мантических систем основывается на иных принципах. Широко распространены два типа этих систем.

Первый тип. В результате мантических действий случайно возникают конфигурации, ассоциирующиеся с определенными образами. В дальнейшем эти образы истолковываются и связываются воедино в предсказании в рамках культурных архетипов (гадание по внутренностям, полету птиц, кофейной гуще, воску и т. п.). Этот тип можно определить как ассоциативный или образно-ассоциативный.

Второй тип. Из определенного, достаточно широкого набора символов случайно выбирается комбинация из частей этих символов. Затем эта комбинация интерпретируется в рамках соответствий и соотношений данных символов в культуре (гадание по предметам, встряхиваемым в миске или решете,

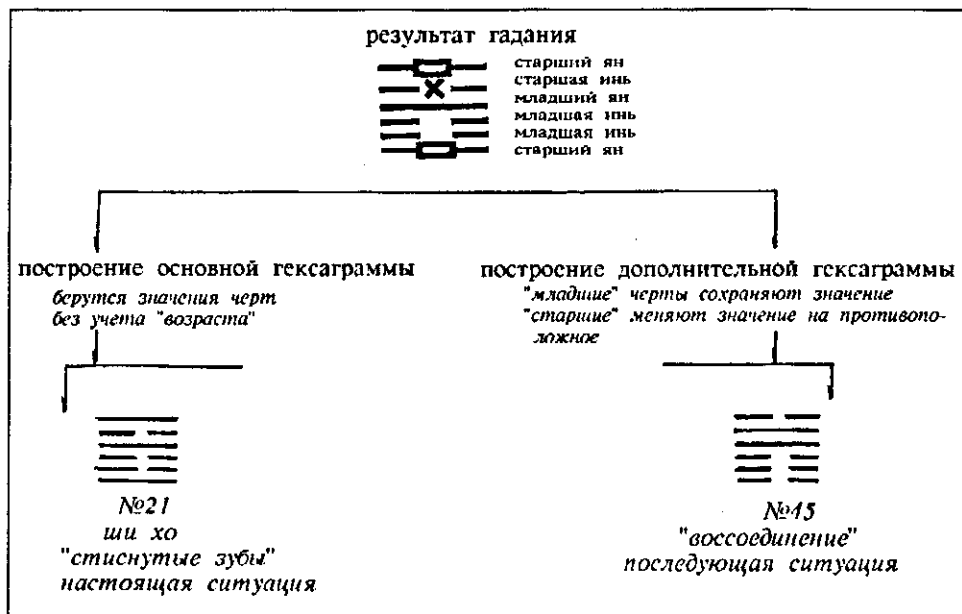


Рис. 4. Построение основной и дополнительной гексаграмм.

по рунам, арканам таро, игральным картам). Можно определить этот тип как символически-комбинаторный.

Гадание по «Книге перемен» явно не относится ни к одному из этих типов. Здесь нет ни распознавания образов, ни выборки разнообразных символов. Этот тип мантической системы можно охарактеризовать как чисто комбинаторный, бинарно-комбинаторный, числово-комбинаторный.

Как уже было сказано, вопрос о происхождении системы гадания «Книги перемен» — предмет длительной дискуссии среди ученых<sup>2</sup>. Если в отношении времени и места создания текста «И Цзин» точки зрения ученых достаточно близки (Китай, конец II — первая половина I тыс. до н. э.), то относительно происхождения способа гадания (древнейшим, однозначно связанным с «И Цзин», считается способ гадания на стеблях тысячелистника) и самой комбинаторной системы его, существуют самые разные версии. Сама китайская традиция, понятно, возводит начала системы к героям своей мифологии — в частности, к императору Фу Си, жившему приблизительно во второй половине III тыс. до н. э. Однако, окончательное оформление этой системы связывается с Вэньваном — основателем династии Чжоу. Нужно отметить, что к эпохе династии Чжоу относят это событие и большинство современных ученых. Многие связывают формирование гаданий по триграммам и гексаграммам со способом гадания на панцирях черепов, распространенном в предыдущую эпоху Шан (середина — вторая половина II тыс. до н. э.). Однако, система этого гадания типологически абсолютно отлична от системы «Книги перемен», она основывается на распознавании образов в системе полученных в результате мантических действий трещин на череповых панцирях, то есть относится к первому, ассоциативному типу гадательных систем. Таким образом, происхождение как самой комбинаторной системы, так и способа гадания на стеблях тысячелистника, этой гипотезой явно не объясняется. Представляется, что речь может идти лишь о заимствовании определенных конфигураций для изображения результатов гадания.

Китайские аналогии способу гадания по стеблям тысячелистника, приведенные в обзор — поздние и явно вторичные.

Древнейшие археологические находки, с большой долей вероятности связанные с системой «И Цзин» не уходят вглубь дальше эпохи ранней Чжоу, максимум — поздней Шан (последняя четверть II тыс. до н. э.). При этом уже в эпоху ранней Чжоу (что, кстати, полностью совпадает с традицией), мы имеем сложившуюся гадательную систему, в которой как элементы,

встречаются триграммы, гексаграммы, а также соотнесенные с гексаграммами афоризмы<sup>4</sup>. В целом возникает впечатление отнюдь не поступательного развития системы и способов гадания, зафиксированных в «И Цзин», а, скорее наоборот, их появление в Китае в самом конце эпохи Шан практически сложившимися, и широкомасштабном внедрении в китайскую культуру в начале эпохи Чжоу. Подобное положение вещей говорит о высокой вероятности инокультурного заимствования.

Откуда же могла придти в Китай такая система?

Возможное направление поисков дает китайская традиция. Согласно ее сведениям<sup>3</sup>, предки императоров династии Чжоу прожили несколько столетий в среде западных «рыжеволосых варваров» — жунов и вернулись в Китай в конце эпохи Шан. Иными словами, предки Вэньвана, традиционно считающегося автором «И Цзин», с добрый десяток поколений пребывали в культурной среде восточной окраины мощного блока культур Великой Степи. В таком случае, искать аналогии необходимо в первую очередь в культурах этого региона.

Этот поиск недолог. В древнейшем же, более или менее подробном источнике сведений о степных народах — «Истории» Геродота — мы встречаем следующий пассаж: «Они (прорицатели у скифов) прорицают с помощью большого числа ивовых прутьев следующим образом: принеся большие пучки прутьев они, положив их на землю, и разъединяют и, раскладывая прутья по одному, вещают и, произнося прорицания, одновременно снова собирают прутья и опять по одному складывают (их)»<sup>4</sup>. Не правда ли, описание действий очень похоже на гадание по стеблям тысячелистника?

В статье Ф. Р. Балонова<sup>5</sup> приводятся еще две аналогии подобному способу гадания: древнегреческое, восходящее к фригийцам, гадание на бобах, при котором бобы одной рукой перемещались между пальцами другой (полная аналогия манипуляциям при гадании на стеблях тысячелистника) и русское гадание на бобах, приведенное И. П. Сахаровым<sup>6</sup>. В чертах последнего имеется ряд аналогий способу гадания на стеблях тысячелистника. Это отсчет по четырем предметам, троичное число этапов гадания, сходное отождествление позиций с различными органами человеческого тела и т. д. В общем, его можно квалифицировать как чисто комбинаторное гадание. Результат его — получение трех линий, в каждой из которых содержится по три порядка. Один порядок представляет из себя четное или нечетное число бобов. При этом чет и нечет (соответственно «инь» и «ян» в «И Цзин») считаются: первый — препятствием, а второй — добрым, благоприятным предзнаменованием. По сути, мы имеем дело с утроенной триграммой — знаграммой (от «эно» (греч.) — девять). Типологическое сходство с гаданием «И Цзин» очевидно.

Таким образом, на западной окраине Великой Степи, мы находим способы и системы гадания, базирующиеся на сходных с «И Цзин» принципах. Раньше всех из них зафиксировано скифское гадание (V в. до н. э.). Отметим, что по словам Геродота, «это искусство прорицания, идущее от отцов», то есть, оно не является культурной инновацией.

В принципе, здесь возможно два предположения.

Предки скифов, находясь на рубеже II и I тыс. до н. э. где-то в зоне культурных контактов с Китаем, принесли с собой заимствованную там комбинаторную систему гадания и распространили ее впоследствии среди окружающих народов. Эта гипотеза оставляет без объяснения факт появления в Китае системы гадания «И Цзин» в сформировавшемся виде. Не объясняет она и то, почему в Греции система гадания на бобах считалась фригийской, а не скифской, так как на опосредованную передачу системы со сменой материала гадания (путья — бобы) и с забвением первоисточника просто не остается времени.

Более логичным представляется предположение о том, что все упомяну-

\* Ю. К. Щуцкий<sup>7</sup> выделяет три хронологических слоя «И Цзин» — названия гексаграмм и магические формулы при них; афоризмы при гексаграммах; афоризмы при отдельных чертах. Следовательно, в эпоху Чжоу мы можем констатировать, по крайней мере, начало формирования второго слоя.

тые системы восходят к единому прототипу. В таком случае, возможное отражение такого прототипа в археологических материалах следует искать в культурах эпохи бронзы евразийского региона, прежде всего Великой Степи. Именно степные культуры могли послужить непосредственным источником, из которого была заимствована в Китай данная гадательная система. Представляются вероятными два варианта такого археологического эквивалента: множественный (в количестве, сопоставимом с числом употребляемых в мантических процедурах стеблей [50] или бобов [41]) набор одинаковых предметов, удобных для манипулирования; набор предметов, предположительно ритуальной функции, строящейся на основе обоих фундаментальных принципов — двоичности (двойка — «инь» — «ян», возможно четверка «младшая инь» — «старшая инь» — «младший ян» — «старший ян») и троичности (триграмма, гексаграмма).

Подобные наборы предметов присутствуют в материалах археологических раскопок эпохи бронзы степного региона.

Речь идет о наборах гадательных костей в погребениях эпохи ранней и средней бронзы европейских степей. Здесь необходимо с сожалением отметить, что до сих пор не была предпринята ни одна попытка как-то обобщить имеющийся довольно разнообразный материал. Единственная, касающаяся этого вопроса статья С. Н. Санжарова<sup>8</sup>, охватывает одну культурно-хронологическую группу довольно узкого региона — донецкую катакомбную культуру. Более широкие сопоставления автору неизвестны. Тем не менее, даже материалы упомянутой статьи дают представление о сути вопроса, а если присоединить еще ряд сведений о наборах «игральных» костей в других публикациях, мы получим весьма любопытную картину.

В донецком регионе мы имеем шесть погребений катакомбной культуры с «игральными» костями. В четырех из них найдены наборы из трех костей, в одном — из двух, в одном — одна «игральная» кость. Все они датируются позднекатакомбным временем (XVIII в. до н. э.). Кости в наборах четырехгранные, октаэдрической или эллипсоидной формы (рис. 5а). Система знаков на гранях имеет два основных варианта. Первому варианту (рис. 5б) абсолютно идентичен набор из трех костей, найденный у станции Брюховецкой в Прикубанье<sup>9</sup>. Типологически схожа и одна из двух костей в наборе с Никопольского курганного поля<sup>10</sup>. Еще одна кость из того же набора представляет двоичный вариант той же знаковой системы (рис. 5е).

Таковы те варианты наборов гадательных костей из погребений катакомбной культуры, о которых автор имеет точные сведения на данный момент.

Обращает на себя внимание факт абсолютной идентичности четырех наборов первого варианта при полном различии остальных. Это дает достаточно оснований считать данный вариант отражающим основную мантическую парадигму, подкрепляет это соображение и замечание С. Н. Санжарова о том,

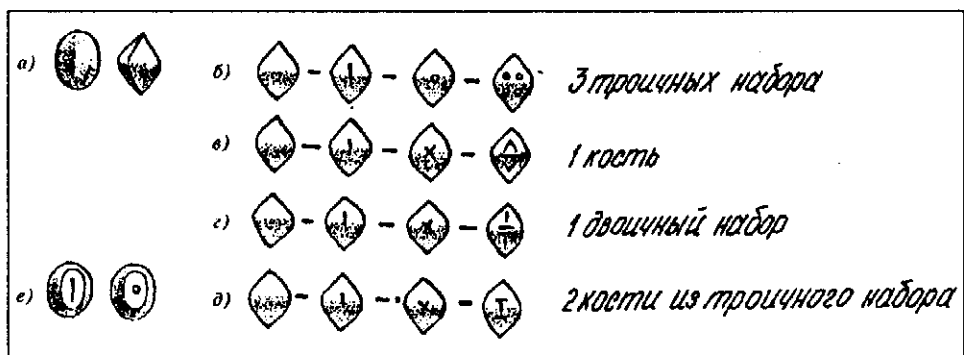


Рис. 5. Форма и основные варианты системы знаков на гранях «игральных» костей в позднекатакомбных погребениях (по С. Н. Санжарову).

\* В литературе упомянуты еще несколько находок<sup>11</sup>, но автору либо не удалось ознакомиться с этими материалами, либо эти материалы не дают четких сведений о костях.

что именно погребения с данным набором принадлежат к социально значимым<sup>12</sup>. Остановимся на этом варианте.

Прежде всего, необходимо отметить факт сочетания двоичности и трюичности в данных наборах. По сути, при броске трех костей мы получаем триграммы, на каждой из трех позиций которых может присутствовать один из четырех символов. Комбинаторно это система явно типологически схожа с китайской. В таком случае, по аналогии можно предположить, что четыре символа на гранях кости могут соответствовать двум парам бинарной оппозиции — изменяющейся и неизменной («старшие» — «младшие» «инь» и «ян»).

Сопоставим четверку символов катакомбных «игральных» костей и китайских гаданий (рис. 6). На взгляд автора эти системы символов настолько близки, что мы можем говорить, если не об идентичности то, по крайней мере, о явной типологической схожести их. Возникнет даже желание прямого сопоставления символов (линия-пустота-круг-крест), однако, другие материалы

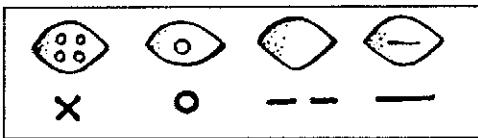


Рис. 6. Сопоставление символов «игральных» костей с употребляемыми в китайских гадательных практиках.

показывают, что все не столь однозначно. К этой теме мы вернемся ниже, а сейчас констатируем, что один бросок трех костей с двумя парами значений даст нам возможность построить две триграммы — основную и дополнительную и, соединив их вместе, получить одну из 64 гексаграмм. Таким образом, основной вариант набора гадательных костей из катакомбных погребений абсолютно приспособлен для гадания по «Книге перемен». Более того, он приспособлен именно и только для гадания такого типа — комбинаторного.

Второй вариант обозначения на гадательных костях (рис. 5в, г, д), судя по всему, представляет собой другой изобразительный ряд той же системы символов. Не исключено, что идентична и сама система гадания. Тогда наличие двоичного набора и единичные находки таких костей в погребениях объясняется особыми ритуалами или утратой костей в результате деятельности землеройных животных или нерадивых раскопщиков. Однако, вполне вероятно существование и других комбинаторных систем, основанных, например, на диграмах и тетраграммах, имеющихся, кстати, в материалах, относящихся к ранней Чжоу<sup>13</sup>.

Таким образом, весьма похоже, что мы имеем аналогичную мантике «И Цзин» систему гадания на полтысячелетия раньше эпохи ранней Чжоу на другом краю Великой Степи. Здесь автор должен признаться, что изучая катакомбные наборы костей, считал, что из степного круга культур в Китай была заимствована только система гадания, а вся ее мировоззренческая «начинка» является результатом приспособления этой системы к уже существовавшей в Китае натурфилософской концепции. Однако, еще один археологический факт, похоже, заставляет внести в этот взгляд некоторые коррективы.

Имеются ввиду наборы гадательных костей из определенно социально значимого погребения новосвободненской культурной группы<sup>14</sup>, хронологически более раннего (рис. 7).

В данном случае мы имеем дело не только с аналогом системы гадания. Изобразительный ряд символов на четырех гранях костей представляет собой максимально точную, лаконичную и выразительную экспликацию основных мировоззренческих смыслов «четверки»: «младший ян» — «старший ян» — «младшая инь» — «старшая инь» (свет — зарождение тьмы внутри света — тьма — зарождение света внутри тьмы). Обращает на себя внимание, что двоичный набор (рис. 7в) представляет из себя не кости, а серебряные столбики. Это в какой-то степени подтверждает идею параллельно существовавшей системы диграмм /тетраграмм и, возможно, даже указывает на ее большую сакральную значимость в ту эпоху.

Есть еще один любопытный момент, связанный с этими наборами. Два трюичных набора гадательных костей, совершенно идентичные по символике,

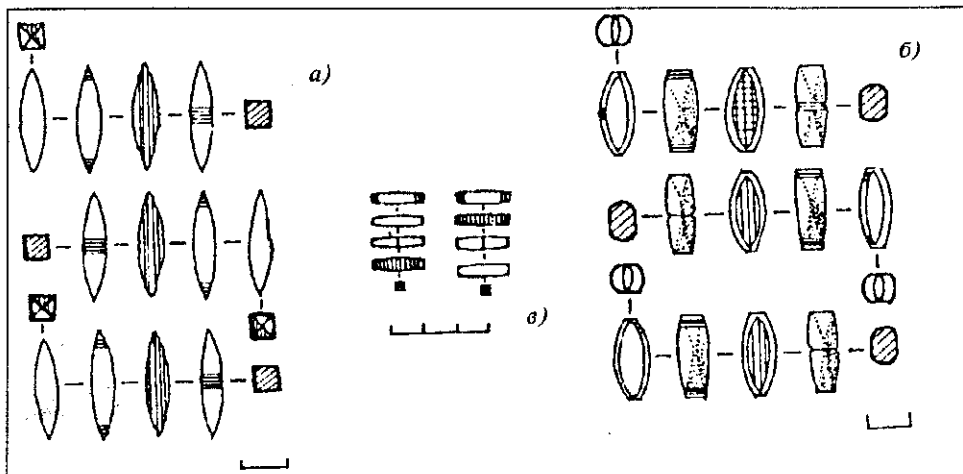


Рис. 7. Наборы гадательных костей из Новосвободной (по А. Д. Резепкину).

имеют небольшую разницу в поперечном сечении (квадрат в первом наборе (рис. 7а) и круг с параллельными усеченными противоположными сегментами во втором (рис. 7б), что при броске даст разницу в вероятности выпадения отдельных символов. В первом наборе эта вероятность выпадения двух «непереходных», соответствующих «младшим» знакам «Книги перемен», символов значительно выше, чем «переходных», «старших». Последний вариант гадания имеет полное соответствие в системе гадания как на стеблях тысячелистника, так и на монетах.

В целом, реконструируемая на основе вышеупомянутых материалов, гадательная система представляется настолько схожей с системой «И Цзин», что вполне вероятно даже идентичность не только этих систем, но и их мировоззренческих основ.

Новосвободненский вариант гадательных наборов отличается от основного варианта наборов в катакомбных погребениях по сути лишь знаковыми обозначениями. Тем не менее, между этими вариантами имеется хронологическая лагуна. Большую часть этого времени данная территория была занята племенами ямной культурно-исторической общности. Предполагаемая передача мантической традиции от носителей культуры новосвободненской группы катакомбным племенам не могла миновать эту культурную общность.

На сей момент автору неизвестны наборы гадательных костей из ямных погребений. Впрочем это далеко не означает их полного отсутствия там, ведь, как уже было замечено, обобщающих работ по этой категории предметов нет.

Однако, мы имеем в них (и не только в них, но и вообще в степном культурном континууме) другую категорию предметов, возможно, использовавшихся для гадания по комбинаторной системе. Речь идет об астрагалах, ритуальное значение которых давно отмечается археологами. Общий вид астрагала и обобщенная принципиальная модель его формы представлены на рисунке 8.

Интересно практически полное соответствие разверток данной модели и одной из костей никопольского двоичного набора (рис. 9). Та же, в свою очередь, отличается от развертки символов основного катакомбного набора лишь двойкой кружков вместо четверки на соответствующей грани.

Троичные (3—6—12) и двоичные (2—4—8) наборы астрагалов нередки в погребениях степных культур, в том числе ямных и катакомбных<sup>15</sup>. Часто астрагалы окрашены охрой, затесаны с одной или двух сторон, имеют насечки. В целом, гадательная функция астрагалов, затем выродившаяся в игральную (игра в «бабки») не вызывает сомнений. Система же гадания на них, вероятнее всего, также является комбинаторной. Похоже, что именно характерные черты форм рабочих сторон астрагалов, послужили основой для формирования изобразительного ряда символов основного катакомбного набора. В этом случае наиболее вероятными представляются соответствия, показан-

ные на рисунке 10. Впрочем не исключен и вариант сопоставления символов, указанный на рисунке 6. Этот вариант ближе к китайскому обозначению. Однако, вероятная инверсия знаков (рис. 3, 6, 10) более логична при переходе к китайской системе гадания, хотя бы в силу специфичности символических и знаковых ассоциаций в китайской цивилизации.

Через наборы астрагалов возможно произошел переход к способу гадания путем манипулирования большим количеством предметов (гадание на бобах, стеблях тысячелистника и т. д.). В пользу этого предположения могут говорить находки наборов из большого количества астрагалов в погребениях степных культур<sup>16</sup>. Впрочем этот вопрос, как и вся проблема

в целом, еще ждет серьезной проработки. В общем, на основании выше сказанного, можно представить себе возможный ход событий следующим образом. В эпоху ранней бронзы в европейских степях существует комбинаторная система гадания, во многом аналогичная системе гадания по «Книге перемен». Вероятно, с первой миграционной волной скотоводов, с которой, в частности, связывается афанасьевская культура Южной Сибири, она попадает в Западный Китай, где используется в середине II тыс. до н. э. в среде жунских племен, судя по всему являющихся потомками этих мигрантов\*.

По обе стороны размытой границы контактной зоны между степными и дальневосточными культурами в середине — второй половине II тыс. до н. э. формируются мощные этнокультурные образования — Чжоуский Китай и

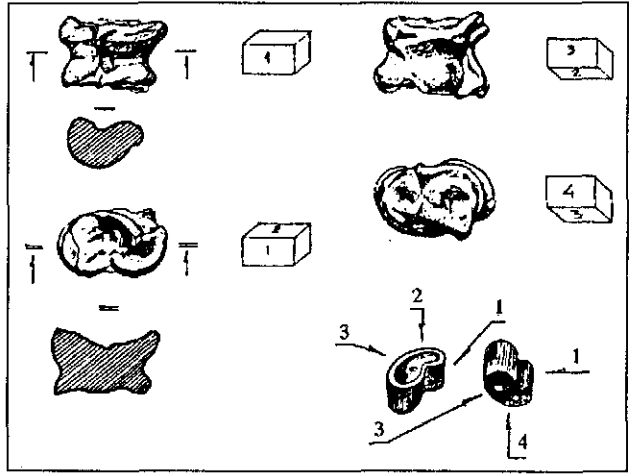


Рис. 8. Общий вид сторон и принципиальная модель формы астрагала.

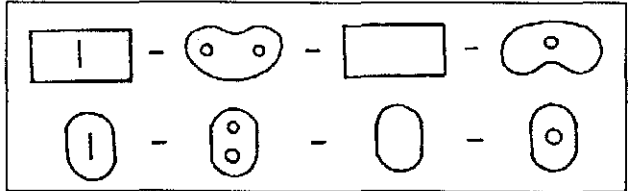


Рис. 9. Стороны развертки модели астрагала и «игральной» кости с Никопольского курганного поля (по О. А. Кривцовой-Граковой).

младший ян	старший ян	младшая инь	старшая инь	китайские термины
				новосвободненские наборы
				модель астрагала
				основной символический ряд катакомбных наборов

Рис. 10. Возможные соответствия знаков в различных вариантах гадательных комбинаторных систем.

\* Не исключено, что эта система могла попасть в культурную среду Западного Китая и с более поздней, андроновской волной миграции.



центральноазиатско-южносибирский карасук<sup>17</sup>. В условиях, когда чжоуские князья во время их пребывания в жунской среде на Западе имели частью своих подданных китайцев, а частью — кочевых жунов<sup>18</sup>, легкость культурных заимствований подвергать сомнению не приходится. Заимствование комбинаторной гадательной системы здесь лишь стоит в ряду не менее существенных для того времени археологически фиксирующихся заимствований — оружия, боевых колесниц, украшений<sup>19</sup>. Другое дело, что эти заимствования не имели столь блестящего продолжения и глубокого концептуального обоснования в китайской культуре\*.

В степном же культурном круге, судя по всему, комбинаторные системы гадания существовали еще на протяжении долгого времени, к эпохе поздней бронзы — раннего железа, сменив способ гадания на манипуляционный, описанный Геродотом. К этому времени «работа» с гадательными костями профанируется, переходит на игровой уровень. Сама форма костей при этом изменяется на привычную нам шестигранную<sup>21</sup>. Лишь некая удлиненность ее вдоль одной из трех осей напоминает о происхождении этих предметов. Только в генетически связанной со степным миром индуистской традиции сохраняется воспоминание о былой значительности действий с этими предметами<sup>22</sup>. Интересно, что индуистское божество игры в кости носит имя Двапара<sup>23</sup> — «двойка», что представляется отражением основной парадигмы системы — «чет — нечет»; «инь — ян».

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что данная концепция не дает ответа на вопрос о происхождении комбинаторной системы гадания, а лишь переводит его на новый уровень. Самый ранний — новосвободненский набор дает нам уже достаточно развитую систему. В этой связи любопытно поискать аналогии как в культурах Ближнего Востока, с которыми связана майкопская культура, включающая в себя новосвободненскую культурную группу, так и в культурах Центральной Европы, с которыми, вероятно, связана эта группа в рамках блока чернолощеной керамики и мегалитических конструкций<sup>24</sup>. Если какие-нибудь аналогии обнаружатся, в последнем случае можно ставить вопрос об общем индоевропейском происхождении данной системы, что не кажется невозможным в связи с вышеупомянутыми фактами присутствия комбинаторных систем в Древней Греции, Малой Азии и у славян\*\*.

### Примечания

<sup>1</sup> Кобзев А. И. Гадания по «Канону перемен» // Щуцкий Ю. К. Китайская классическая Книга перемен. — М., 1993. — С. 520—525.

<sup>2</sup> Кобзев А. И. Китайская книга книг // Там же. — С. 8—41.

<sup>3</sup> Бичурин Н. Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.—Л., 1950. — Т. 1; Сыма Цянь. Исторические записки (Ши Ци). — М., 1972. — Т. 1.

<sup>4</sup> Геродот. История, IV, 67. Цит. по: Доватур А. И. и др. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. — С. 124.

<sup>5</sup> Балонев Ф. Р. Скифские гадания. Попытка реконструкции семантики и алгоритма // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. — СПб., 1991. — С. 136—139.

<sup>6</sup> Сахаров И. П. Сказания русского народа. Русское народное чернокнижие. Русские народ-

\* В свете символики новосвободненского набора костей мыслится закономерной постановка вопроса о специфичности именно для китайской культуры древнейшего слоя «И Цзин»<sup>2</sup>, во всяком случае, в отличие от последующих слоев, на первый взгляд он производит впечатление достаточно абстрактного набора терминов, ассоциирующихся со столь же абстрактными жизненными ситуациями и космологическими универсалиями, в котором нет ничего специфически китайского. Впрочем, эта проблема может решаться лишь специалистами-китаеведами.

\*\* Вышеизложенное не означает, что автор отвергает возможности конвергентного возникновения и развития комбинаторных систем параллельно в различных культурах и цивилизациях. В связи с этим, для автора представляла бы большой интерес информация об археологических находках, предположительно связанных с системой гадания «И Цзин», на территории Китая, относящихся к эпохам более ранним, чем позднешанско-раннечжоуское время.

ные игры, загадки, присловия и притчи.— СПб., 1885.— С. 140, 141; см. также: *Балонов Ф. Р.* Указ. соч.— С. 138, 139.

<sup>7</sup> *Щуцкий Ю. К.* Китайская классическая Книга перемен.— М., 1993.— С. 172—188.

<sup>8</sup> *Санжаров С. И.* Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями // СА.— 1988.— № 1.— С. 140—158.

<sup>9</sup> *Бочкарев В. С.* и др. Раскопки курганов у станицы Брюховецкой Краснодарского края в 1978 году // Древние культуры Прикубанья.— Л., 1991.— С. 40.

<sup>10</sup> *Кривцова-Гракова О. А.* Погребения на Никопольском курганном поле // МИА.— 1962.— № 115.— С. 5—56.

<sup>11</sup> См.: *Ремесло эпохи энеолита-бронзы на Украине.*— К., 1994.— С. 164; *Санжаров С. И.* Указ. соч.

<sup>12</sup> *Санжаров С. И.* Указ. соч.— С. 156—158.

<sup>13</sup> *Кобзев А. И.* Китайская книга книг...— С. 36, 37.

<sup>14</sup> *Резепкин А. Д.* Курган 31 могильника Клады. Проблема генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья.— С. 167—197.

<sup>15</sup> См. напр.: *Самар В. А.* Курган вблизи Михайловского поселения // Древности Степного Причерноморья и Крыма.— Запорожье, 1992; *Генинг В. В., Корпусова В. И.* Археологические памятники Крымского Присивашья.— К., 1989.— С. 10; *Красильников К. И., Тельнова Л. И.* Исследование кургана у села Пресображенное // Древние культуры Подонцовья.— Луганск, 1993.— С. 91—125.

<sup>16</sup> См. напр.: *Братченко С. И., Шевцов М. П.* Северодонецкие катакомбные погребения на реке Красная // Катакомбные культуры Северного Причерноморья.— К., 1991.— С. 165—186; *Левина Л. М.* Джетыясарские склепы // Низовья Сырдарьи в древности.— Вып. 2.— М., 1993; *Керэфов В. М.* Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии.— Нальчик, 1988.— С. 181.

<sup>17</sup> *Новгородова Э. А.* Древняя Монголия.— М., 1989.— С. 120—235.

<sup>18</sup> *Сыма Цянь.* Указ. соч.

<sup>19</sup> *Новгородова Э. А.* Указ. соч.— С. 136—235.

<sup>20</sup> *Щуцкий Ю. К.* Указ. соч.— С. 205.

<sup>21</sup> *Кошеленко Г. А.* Родина парфян.— М., 1977.— Цв. илл.

<sup>22</sup> *Санжаров С. И.* Указ. соч.— С. 156.

<sup>23</sup> Там же.

<sup>24</sup> *Резепкин А. Д.* Указ. соч.— С. 188—197.

*А. Г. Акулов*

## СИСТЕМА ГАДАННЯ «І ЦЗІН» ТА ЇЇ МОЖЛИВІ ПАРАЛЕЛІ У СТЕПОВИХ КУЛЬТУРАХ

Дана стаття є спробою відповісти на запитання про походження давнього китайського гадання, описаного в «І Цзінь», зіставляючи його систему з різними археологічними фактами та історичними свідченнями, що належать до Євразійських степових культур. На підставі цих зіставлень гіпотетично реконструюється давня система гадання, яка існувала за доби бронзи у цих культурах, та була запозичена китайцями у добу пізньої Шан — ранньої Чжоу (кінець II тис. до н. с.). Це дає можливість під новим кутом зору розглядати багато археологічних знахідок (набори гадальних кісток, астрагалів), добре відомих археологам.

*A. G. Akulov*

## FORTUNE-TELLING SYSTEM «I-TSZIN» AND ITS POSSIBLE ANALOGS IN STEPPE CULTURES

The paper is an attempt to answer the question on the roots of ancient Chinese fortune-telling described in «I-Tszin» comparing its system with various archaeological findings and historical data referred to Eurasian steppe cultures. Proceeding from these comparisons the old system of fortune-telling which existed in the epoch of bronze in those cultures and was adopted by the Chinese in the time between late Shan and early Chjou (the end of the second millennium B. C.) is reconstructed hypothetically. It gives possibility to consider many archaeological findings (kits of fortune-telling, astragali) well-known to archaeologists in the new aspect.

*Одержано 06.09.95*